

Татьяна ФРОЛОВСКАЯ

«РАЗДУМЬЯ СТРОГИЙ ОБРЕТАЮТ СТРОЙ...»

Фариза Унгарсынова – это легенда. Мы проводили ее в последний путь, но это дела земные. Настоящий путь ее – путь легендарной поэтической души – нескончаем.

Фариза, лауреат Государственной премии, писала о любви и дружбе, об истории своего народа. Высокая гражданственность, интернационализм, защита нравственных ценностей – основные темы стихотворений и поэм. В творчестве поэтессы соединились многовековая национальная культурная традиция и современные поэтические открытия. Ее стихи экспрессивны, эмоциональны и живописны.

Лирический герой ее многогранен, артистичен. Читатель услышит многие голоса, противостоящие или согласные друг с другом, но традиция поэтических состязаний, импровизаций, схваток на различных поприщах – ключ к разгадке ее магически завораживающих строк.

Я познакомилась с Фаризой в 1975 году, правильнее употребить страдательный залог – была познакомлена с Фаризой. Почему страдательный залог, потому что ответственность в ответ на благие намерения нашего посредника возрастает во много раз по сравнению со случайным знакомством «среди шумного бала». Рассказал мне о ней Абдижамил Каримович Нурпеисов, с которым мы познакомились много раньше, в 1965 году. Тогда собкор газеты «Правда» в Казахстане Геннадий Иванов предложил мне написать о первой книге трилогии «Кровь и пот», переведенной на русский язык Юрием Павловичем Казаковым, и опубликовал мой отзыв в «Правде». Я училась в университете на филологическом факультете и, честно скажу, шок этой публикации помню до сих пор. Так и пошло всё в жизни – под лучом первого потрясения от знакомства с Ю. Казаковым, с А. Нурпеисовым и его женой Ажар Керешевой, а через некоторое время с их дочерью Шугой, когда она пришла в середине учебного года в класс, где я была классным руководителем.

При первой встрече со мной как учителем Нурпеисов спросил, не бросила ли я вообще писать и, защищаясь от этого вопроса, я показала ему свои стихи и переводы Китса. Далее инициатива перешла к Ажар Керешевне, ученому-химику и, неожиданно, очень образованному гуманитарно человеку. Был у этой семьи кумир – Махамбет, о котором я, конечно, кое-что знала, но Ажар Керешевна стала готовить мне подстрочки и настоятельно требовать художественного перевода. Тогда Махамбета можно было прочесть только в спецхранах, а она как носитель устной традиции держала все стихотворения Махамбета в памяти. Всё это была новая для меня аура, а планы перевести всего Махамбета на русский язык без надежды на опубликование выстроились сокрушительными полками книг. Можно сказать, я впервые засела за историю казахов, что меня очень скоро привело к преследованию лучшего лектора на эту тему – Л. Н. Гумилёва.

Нурпеисовы хорошо знали и любили Фаризу, родившуюся в ауле № 9, где родился Махамбет. Прочитав мои первые опыты перевода с казахского, они решили познакомить меня с яркой наследницей творчества Махамбета. Вот почему к нашему знакомству применим страдательный залог.

Фариза приехала ко мне и сразу произвела противоречивое впечатление. Одета она была в ярко-синий с белыми лампасами спортивный костюм. В ней

не было никакой приветливости, даже излишняя в нашем доме строгость, настороженный взгляд исподлобья и совершенно деловой разговор о переводах, которые, по ее словам, никому не удалось. Однако всё это я истолковала по образу и подобию литературного персонажа. «Пусть приходят тигры, – сказала Маленькому принцу, отправляющемуся на Землю людей, Роза, – не боюсь их когтей – у меня есть шипы!» Беззащитность и воинственность бросались в глаза. Издавшая несколько книг, Фариза вела себя как начинающий автор, и далее всякий раз как начинающий, то есть как настоящий творческий человек.

Когда я первый раз ранним утром попала к ней в дом, у меня закружилась голова – пол ходил ходуном от спящих на полу людей. Весь род, казалось, весь аул прибыл к ней «навечно поселиться». Мы осторожно прошли в кухню, чтобы не наступить на раскинувшиеся спящие тела, и тихо разговаривали, чтобы не будить никого до времени. Эта краска ее жизни меня покорила и всегда вызывала восхищение и сочувствие. Поэтому, когда у нас были не тихие разговоры, а «баталии» по поводу строчек, когда необходимо было раскричаться и обидеться, мы выходили на улицу, чтобы не пугать детей – пугали прохожих. Отведя душу, возвращались пить чай в кругу большого семейства. Я постепенно узнала всех членов ее семьи, мы дружили без перерывов. Однажды в ее день рождения мы собрались праздновать, но из-за погоды в Москве задержался самолет, и самой именинницы не было. Когда она прилетела, поздравляя ее, я сказала, что мы говорили только о ней, что праздник прошел отлично. На это она сказала без всякого нажима: «Вот умру – будет вам праздник». Я всегда боялась за ее здоровье, и вдруг такая неделикатность с моей стороны: во-первых, праздновать без нее, да еще и говорить об этом. Слава Богу, впереди было еще тридцать пять лет жизни.

Но они прошли, и теперь Фаризы катастрофически мне не хватает.

Сколько воды утекло с тех пор. Тридцать девять лет знакомства и напряженной работы. Мне казалось, что я знаю о ней всё, потому что я знала ее детей, мать, брата, неоднократно была с ней в поездках. Самые быстрые и искренние знакомства возникают в пути между попутчиками, к этому приводит замкнутое пространство: купе, самолет, гостиница. В таком замкнутом пространстве я находилась с Фаризой долгие годы. И вот теперь, когда она после трагической болезни ушла от нас, и я, чувствуя себя в долгу, решила рассказать о ней, вдруг поняла, что я очень мало о ней знаю. Единственное, что вводило меня в заблуждение о своей осведомленности, это доскональное знакомство с ее творчеством. Хотя, правда, я знала ее друзей, а их отношение к Фаризе – самая большая составляющая в моем мнении о ней. Назову двоих: Мукагали Макатаев и Аскар Сулейменов. Это – личности выдающиеся. Достаточно сказать, что Макатаев перевел на казахский язык «Ад» – первую часть «Божественной комедии» Данте. Перевести всё он не успел, тем более что в год выхода перевода Госкомитет по печати (не знаю, читал ли этот комитет когда-нибудь Данте) признал работу М. Макатаева худшей работой года.

Аскар Сулейменов. Вот образование и обаяние. Расскажу один эпизод, известный мне не от Аскара. Аскар учился в педагогическом институте имени Абая, жил в общежитии на третьем этаже на углу улиц Комсомольской и Пушкина. К трехэтажному общежитию примыкал одноэтажный дом, с одной стороны которого жили мои будущие родственники, а с другой – семья математика, профессора Марка Михайловича Марковича – их окна выходили прямо на общежитие. С третьего этажа негромко, но постоянно звучала классическая музыка. Наконец Марк Михайлович решил выяснить, кто именно его уносит в необъятные миры музыки – «отвлекает» от работы. Он пригласил с собой коллегу, жившего в доме на том же углу по диагонали, завсегда оперного театра, которому не слышать было, что происходит в

общежитии. Найти комнату меломана не составило труда. Увидев на пороге профессора и очень импозантного незнакомца, Аскар смутился и готов был просить прощения за беспокойство, но его успокоили и, слово за слово, разглядывая коллекцию пластинок нищего студента (это 60-е годы), набрели на арию Тоски из оперы Пуччини. Узнав, что самой оперы студент не знает, гости так обрадовались свежему, способному оценить слушателю, что вдвоем исполнили всю оперу без сопровождения инструментов со всеми тенорами, басами и женскими партиями. Очень довольные собой «народные артисты» ушли, но дружба, но театр, но музыка их породнили на долгие годы. Вот теперь скажи, кто твой друг, узнав, кто другу друг. Аскар стал драматургом, предпосылки этому были с самой ранней юности. Иногда Аскар и Фариза брали по домбре в руки и играли самозабвенно, хотя, конечно, не как великая Айгуль Улькенбаева, но, как говорит один недоучившийся в музыкальной школе музыкальный критик, нельзя понять музыки, не ощутив ее руками. Вот эта школа была внятна Аскару и Фаризе. Айгуль Улькенбаева тоже была младшим другом Фаризы, которая и познакомила меня с выдающейся артисткой. Как она играла фольклорную музыку казахов, сбереженную народом, классическую авторскую музыку Дины Нурпейсовой и Махамбета! Все-таки энергетика выдающихся талантов, как замкнутый круг, зиждилась в кругу Фаризы на Махамбете.

В одной своей поэме Фариза упомянула Аскара. Я, как могла, перевела это место с особой радостью, так как очень неравнодушна была к обоим.

*Казахский айтыс мне напомнил один только раз
про книгопродавца с поэтом.*

Мой друг Сулейменов –

Аскар из Сузака – не всем вам известный Олжас –

*Сказал: «Спорят Смерть с Животом на славянском
вполне современно».*

Ничего простого и обыденного не было в их отношениях, всё было освещено высшими ценностями, несмотря на тяжелый быт и всякие общественные бури и катаклизмы, которые мешали жить благостно.

Чествуя Фаризу на одном из ее молодых юбилеев, директор издательства, который держал нашу судьбу в руках и «иногда мял когтистой лапой, чтоб мы не забывались», сказал: «Тяжелая судьба у автора, тяжелая судьба у переводчика. Из этого что-нибудь выйдет».

С чего это взяли они, что у меня судьба тяжелая? А вот с чего. На одном международном круглом столе, где похвалили сорок с лишним поэтов-делегатов всех союзных республик, обо мне местный критик сказал: «Это не стихи, это монстры, это нагло пробивающее себе дорогу провинциальное эстетство» (в зале было 600 человек – тираж дошел до адресатов), а другой написал в газете, имеющей тираж 300 тысяч): «Философическая интоксикация на фоне педагогической запущенности», еще один рецензент написал пером, теперь не вырубить топором: «Не надо печатать эти стихи, надо ставить диагноз автору». На следующий день один за другим выступающие дали отпор моему ненавистнику, довели его до слёз и прямо с трибуны попросили у меня дать им мою книжку, которая лежала у меня дома и мы никак не ждали такого организованного интереса к ней.

Начальство Союза писателей СССР включило меня в список на обсуждение в Москве в составе шести поэтов Казахстана.

Но внутри этих событий произошло еще одно. К нам приехала Фариза. В комнате моей не было никакого порядка – я готовила книгу Фаризы

«Полдневный жар» – на столе, стульях и на диване лежали груды подстрочников, уже готовые переводы висели на бельевых прищепках по проволокам, специально натянутым, для объективной и постепенной композиции – так можно было переставлять стихотворения местами и видеть перспективу. Сегодня, конечно, немного смешно, когда нажатием клавиши компьютера можно что угодно перетасовать и тут же увидеть в распечатанном виде, но я не отказываюсь от своего метода – в нем больше энергии и одухотворения. От прагматичного и холодного, как лед, компьютера тоже не отказываюсь, но это последние легкие усилия, которые не перекроют невидимые миру труды.

Фариза не утешала меня, не сочувствовала, она привезла один листок – подстрочник стихотворения «Ярость Сарыгула», написанный от руки, и сказала: «Таня, я – Ахан-сере, ты – Кулагер. Эти баи хотят тебя зарезать! Вот так и переведи!» Утром я пришла на совещание в кольчуге своего перевода. За тридцать девять лет нашего союза были всякие ситуации, но это дружество в тяжелую минуту было наградой, и другие неурядицы уже не имели значения. Однако я доставила себе радость анализировать. Слова Фаризы – не вольный ли перевод пушкинского: «Переводчики – почтовые лошади просвещения». Через некоторое время на первый план выступили преимущества ее принципиального характера и одновременно художественное переосмысление бытового события, сближение далеких происшествий, способность перевоплощаться. Работая с Фаризой, с казахской поэзией и историей, я ничего не предавала, и даже не отвлекалась от своего мироощущения «Русской трагедии масок». Фариза тоже была персонажем, транспонированным для другого инструмента, я могла с чистой совестью перенести на нее афористическое название книги Гумилева о тюрках «Черная легенда».

Однако, когда меня «били» критики, «били» и за то, что я нежной Фаризе вкладываю в уста слова разбойника: «Не дай мне шакальего подлого вздоха – дай, волком издохну» (я была бы рада себе в «уста» вложить такое динамическое слово, но это было не мое мировосприятие) – я стала подыскивать второго Кулагера для новоявленного Ахана-сере. И нашла – Беллу Ахмадулину. В начале 80-го года она приехала в Алма-Ату, когда «Полдневный жар» был уже готов. Я не считала предательством сдать Фаризу с рук на руки Белле, я считала, что не имею права мешать достойному появлению Фаризы на русском языке из-за противодействия переводчику. Белла прочла маленькую книжку Фаризы «Тревоги», выпущенную «Молодой гвардией», в основном с моими переводами. Не буду приводить ее благожелательной оценки. Из замечаний: герой стихотворения «Плач по украденной лошади» сказал: «О, язва в печень вору», на что Белла сказала: «Слабо. Надо переделать на русский мат». Мы не учли этого единственного замечания. О своем участии она сказала: «Это не требует переделки. Пошлите Аннинскому на отзыв». Мы так и сделали. Никому не известные отношения с Беллой и Львом Аннинским придали нам уверенности в нашей правоте, а Фаризу стали печатать в Москве в разных изданиях. Вышли книги в «Советском писателе», в «Художественной литературе», две книги в «Молодой гвардии». Поэму «Скитания голоса в двух зеркалах» напечатали в «Дружбе народов». Фариза с Аннинским и Беллой общалась без меня.

При «перестройке» ее книги выпали из планов «Советского писателя», «Детской литературы». Была аннулирована номинация «Государственная премия СССР», на которую ее рекомендовали многие писатели, в том числе Сильва Капутикян, написавшая предисловие к сборнику Фаризы в издательстве «Художественная литература» – «Алмазный клинок». Я часто перечитываю вступление и хочу привести некоторые слова Сильвы Капутикян:

«Первородные начала в человеке: любовь и ненависть, мужество и трусость, добро и зло являются тем прочным основанием, на котором держатся экспрессивные стихи поэтессы... Я бы сказала, что от стихотворений ее и поэм веет целительным жаром истины. Фариза... как подлинный художник, не терпит фальши». Почему написать вступление предложили С. Капутикян? Может быть, потому, что они познакомились на поэтическом симпозиуме в Тбилиси, где Фариза читала одно стихотворение – «Романтизм» и подарила «Полдневный жар» Сильве Барунаковне, может быть, Белла Ахмадулина, переводившая армянскую поэтессу, сказала свое слово на том же симпозиуме. Во всяком случае, они не порывали отношений никогда.

Это была особенность Фаризы – не расставаться с хорошими людьми, встреченными на жизненной дороге. И совсем искаженно представляли Фаризу посторонние. Они-то меня и спрашивали: «Все-таки разошлись с Фаризой?», жаждали желаемое выдать за действительное. Конечно, работа Фаризы в Парламенте и переезд в Астану были большим препятствием для ежедневного общения, но именно тогда мы работали над переводом Махамбета наиболее интенсивно.

Дома Фаризу называли «папа», «шах-мама», а писатели за глаза называли «Махамбет в юбке». В этом было некоторое анекдотическое уничижение; хотя оно и не могло ее оскорбить, я никогда об этом не говорила. Не говорила я ей и о том, что у меня лежит папка с несколькими подстрочными и готовыми художественными переводами Махамбета. Работа остановилась, потому что однажды мы рассорились с Фаризой. Это была самая рядовая дискуссия, о которой я никому не говорила. Нурпеисовы, случайно услышав об этом от всезнающих «доброжелателей», с нами обеими раззнакомились. Они так и не узнали, сколько у нас было размолвок сугубо на творческой почве. Я и сама их не считала. Махамбет откладывался. С Фаризой «мирились» легко. Метод был один – дав мне отдохнуть от себя три-четыре дня, она звонила: «Не звонишь, что хочешь выиграть?» Дальше обижаться было невозможно.

В 1978 году вышла книга Фаризы «Нежность». Я ее подготовила, но в издательской практике – разрушать, под видом объективности: делать из цельного повествования сборную солянку, вместо лирического героя выпустить в свет массовую сцену противоборствующих особей – многие мои стихотворные переводы передали другим переводчикам в качестве подстрочников, и они их перетолмачили в белый стих или вообще в верлибр, о котором я и сейчас думаю, как Пушкин: «Что если это проза, да и дурная». Я не волновалась, все отброшенные издателями переводы уже лежали авторизованными в рукописи большого тома. Рецензия в «Просторе» была в привычном нам ругательном духе – шестерых переводчиков похвалили, Фаризу одобрили, а меня поругали и констатировали: «Так что не без ложки дегтя».

Фариза приехала. «У семи переводчиков – автор без глаза, – сказала она. – Теперь ты одна будешь меня переводить». Еще через полмесяца, когда наша неприкаянная рукопись «Полдневого жара» еще скиталась по издательским кабинетам, редакторам и цензорам, она принесла мне довольно объемную папку с подстрочниками Махамбета, которые, как я думаю, готовила много лет, и сказала: «Пора переводить Махамбета в брюках».

То, что Махамбет был ее альтер-эго, несомненно. Она рассказывала мне, что бабушка читала ей стихи Махамбета вместо колыбельных песен и говорила: «Душа Махамбета здесь, где он родился, и она бессмертна, потому что живет в душах живых людей». Представьте себе «колыбельную»:

*Враги плодятся, точно гнус,
Полки соратников отходят,
Костей моих пугает хруст.
В сомненье друг, хотя не трус
И в битву годен.*

Поищите другие – напевные, лиричные, убаюкивающие строчки у Махамбета. Хорошо, что такими «колыбельными» ребенка не свели с ума. А сложнейшая философия о переселении душ в таком простонародном представлении оставила неизгладимый след в поэзии Фаризы, в ее одиночестве, в ее бойцовском характере.

Признание приходит через долгие годы творчества, и чего только не пришлось ей перенести от своих коллег и соотечественников. А что касается меня самой, убеждена, что вдвоем мы были уязвимее вдвое. Но не жалуюсь. Это наш выбор.

Международная ассоциация писателей-баталистов и маринистов удостоила Фаризу звания лауреата премии им. Константина Симонова с вручением золотой медали за выдающийся вклад в казахскую и мировую литературу. Это ей нелегко досталось. Надо было родиться в том месте, где родился и жил Махамбет, надо было осознавать себя единственным наследником его поэтической крови, написать знаменитый «Алмазный клинок», «Окровавленную победу», «Завещание Маншук и Али», циклы исторических стихотворений, чтобы выйти в писатели-баталисты далеко за пределами родной земли. А как она писала про море! Про родное море – Каспийское-Хазарское-Варяжское-Хвалынское. Так мог писать только природный маринист. Трудно просто перечислить морские пейзажи в стихах Фаризы. Награда серьезная и ценна не только признанием, но и остроумием в духе самой Фаризы, а главное, совершенно по назначению – баталисту и маринисту.

Но начинала она не с этого. В очень раннем возрасте начала писать о любви. Одна дама – доброжелательный критик – сказала Фаризе: «Не пишите так много о неразделенной любви, люди будут злорадствовать и сплетничать о вашей неудаче».

Первая любовь Фаризы оборвалась трагически. Я не считаю себя вправе рассказывать о ней, потому что знаю понаслышке, и было это задолго до нашего знакомства, но я знаю мужчин, которые любили ее, боготворили, добивались ее взаимности тщетно. Она никогда не была ведомой, но и ведущей тоже не была, однако так искренне писала о любви, так понимала сложности человеческих отношений... Когда я посмотрела на нее вопросительно, узнав, что она десять часов разговаривала с одним из блистательных соискателей, она сказала: «Нет, это не то, что было. Сейчас не могу себя представить рядом с тем колхозником... Но я однолюбка». И она писала о любви за себя и за него.

*Как жил я без любви, в каком бреду,
пока не встретились?! С усилием верю:
к тебе приговорён, как к высшей мере –
гореть огнём – счастливым слыть в аду.
Или:
Ты помнишь? Рыжий вешний день
был сводник, свёл нас на дороге.
Я вздрогнула, взглянув, как тень
Твоя мои целует ноги.*

При подготовке «Полднего жара» мы с ней сложили корпус любовной лирики в повесть «Монологи Ромео и Джульетты».

Мне иногда задают вопрос или прямо говорят: «Вам как переводчику известна некая истина?»

Что скажу на это?

Истины, конечно, никто не знает. Тем более, если находишься внутри процесса, то воображать себя знающим ответы на все вопросы вообще неуместно. Я даже не могу утверждать, что досконально узнала Фаризу почти за сорок лет знакомства и работы: она была непредсказуема, а к народу – я тоже народ – выходила, как богиня из волн морских, в совершенном виде. Тайны создания стихов Фаризы, героя ее единственной любви я не знаю, но «кухня» работы над переводами мне известна досконально.

Фариза – натура артистическая, в том высоком смысле, что в избранной области она преображается в персонажа, которого хоть и не отделишь от личности, но поставить знак равенства между ними тоже невозможно. Раскрытию этой тайны посвящена вся литературоведческая наука. Конечно, перевод обязывает: то, что произойдет с произведением на другом языке, останется на совести переводчика: будет стихотворение жизнеспособным или сгинет, не найдя благодарного читателя. При этом первое добавит достоинств автору, а второе – опозорит, осрамит переводчика.

Я неоднократно бывала у нее на родине. Сколько замечательных людей узнала я в тех местах, а потом в ее стихотворениях – она не выдумывала ни отрицательных, ни положительных героев, разве что спишет портрет чванливого чиновника, все его узнают, а над стихотворением пометка – «Жил в степи в XVIII веке», или «Эту женщину встретила я в Египте на развалинах древнего храма Изиды». Не знаю, была ли она когда-нибудь в Египте. Одним словом, по-некрасовски: «Переносится действие в Пизу, и спасен многотомный роман». Но под этими эпиграфами, например, такие своевременные строчки:

*Переселился куланов вожак,
Как повелел чистокровный ишак
Всем перенять легконогим куланам
Царственно-скотский медлительный шаг.*

На авторство эпиграфов уже потом, когда узнали, что из этого вышло, претендовали многие, она не оспаривала, хотя не в ее правилах было передоверять другим ход своих художественных мыслей.

Однажды ее отправили в Италию в составе делегации Союза писателей СССР на вручение литературной премии писателю Борису Можаяеву. Она должна была выступить со стихами в русском переводе, мне позвонили из Москвы и дали «ориентировку»: подготовить Фаризу, распечатать для переводчика и СМИ стихотворения в нескольких экземплярах, которые она будет читать – по два стихотворения на три встречи. Я, разговаривая с иностранной комиссией, нечаянно сказала правду, что Фариза волнуется. На другом конце провода рассмеялись: «Мы тут читали ее стихи – да она весь мир изъездила. Главное, вы не волнуйтесь...» Я не стала оспаривать это заявление, хотя к тому времени она побывала за границей один раз – туристом в Болгарии. Пришлось прикусить язык. Фариза читала в Италии совсем не те стихи, которые я подобрала, а комиссия одобрила. Она привезла журналы и газеты, где освещались торжественные мероприятия, где она, как единственная женщина в русской делегации, была представлена на десятках фотографий, прочитанные стихи были переведены на итальянский язык. Обложившись словарями, мы прочли, что писали о ней критики, журналисты, поэты. Главные слова:

«Унгарсынова возвращает миру женственность, про которую Европа забыла в наш сумасшедший век». Я бешено хохотала: особенно, когда эта «русская» (иначе ее не называли) замахивается алмазным клинком на врагов Махамбета. Сама она с большим юмором относилась к себе и своим героям. Вот что говорит у нее одна певица перед айтысом:

*О, только бы голос не сделал осечки.
О, только б слова, точно стрелы, свистали.
О, только б предстать лупоглазой овечкой,
А в сущности быть острой саблей из стали.*

Я очень рада – Фариза вовремя, что называется, «попала в обойму», и после Италии действительно стала выездной и побывала в разных частях света. Ее стихи, привозимые из этих поездок, мало похожи на географические, которые километрами пишут писатели-туристы. Она привезла из Франции цикл стихов «Камни Родена», из Италии фантазмагорическую поэму «Свидание с создателем», но и свое: Мангышлак, степи, люди получили воплощение в стихах, другие города и веси СССР: «Явление Ленинграда», «Романтизм», «Мимолетное настроение поэта, которому не повезло в любви», «Делегация Украины на Мангышлаке».

Махамбет. Действительно, его бессмертная душа вселилась во многие стихотворения Фаризы: «Не рухнет песни ствол. Как древко, держат древо Бараташвили, Лермонтов и Махамбет» («Романтизм»). «Мой Махамбет – полярный свет» («Три звездочки»). Но полное воплощение любовь к предшественнику получила в поэме «Алмазный клинок. Три встречи с Махамбетом». Она писала, как мне казалось, легко и быстро. Но если вспомнить, что знала она о своей душе с детства, а поэма написана почти к сорока годам, то это время и опыт обретают продуманность и обреченность – прожить жизнь в одной связке на скалистых заоблачных путях, где остаешься со своим предназначением один на один.

Мои переводы всегда были несколько длиннее стихов, потому что приходилось расшифровывать емкие пословицы и поговорки в стихотворных комментариях тут же. Мой перевод не был научной работой, но оставить читателя без ясности и обременить приложением примечаний – было бы гибелью для стихотворного текста. Иногда Фариза, забрав распечатанные стихотворения на авторизацию, возвращала их с дополненными новыми строчками и построчными переводами их на обороте первого варианта. Так делал Лев Толстой – вписывал новые страницы в готовую верстку. Обзывая ее «Львом Толстым», я переделывала стихотворения по ее вставкам и получала отсрочку на сдачу рукописи, когда рукопись всегда требовалась немедленно.

К замечаниям редакторов она относилась нетерпимо. Когда заместитель главного редактора издательства испещрил замечаниями мою пятилетнюю подпольную работу над «Полдненным жаром», а это – более десяти печатных листов, причем прислал всё это со своим отрицательным заключением по почте, Фариза пожаловалась куратору республиканских отделений Союза писателей СССР Юрию Ивановичу Суровцеву. Он спросил: «Где рукопись?» Ф.: «У нас, вся исписана вздорными замечаниями». Ю. С.: «Рукопись в плане? Сотрите замечания ластиком и сдайте немедленно в издательство».

Фариза приехала ко мне с ластиком – белой резинкой для карандаша – и застала такую картину: я сидела над измаранной красным и черным фломастерами машинописью и, хотя любила слова Чацкого: «я глупостей не чтец», – читала запоем самопал глупости, злобы, дикой чиновной трусости и полного непонимания художественной речи.

Фариза эту «живопись» на полях увидела впервые. Удивилась, что я читаю:

– Себе не доверяешь?

Я сказала: «Надо же знать, что враги говорят».

Фариза: «Зачем?»

Я: «Ну, вот у меня запятая, а он говорит: надо тире».

Фариза: «Поставь точку с запятой. Ни одной запятой мы ему не уступим».

Одно нас спасало – то, что под копирку у нас было несколько экземпляров, приготовленных для себя, пришлось издательству сдавать в печать какой-то второй или третий экземпляр машинописи, чтобы не тратиться на первый, уничтоженный его работником. Заставить Фаризу печатать заново никто не осмелился.

Когда, через все препоны, она «пробила» книгу в печать, тот начальник с фломастерами просил, причем неоднократно, вернуть ему экземпляр с его замечаниями, видимо, как памятник уникально-ненужной работы. Я послушалась, оставила себе этот «шедевр» на память.

Главная точка отсчета нашего союза с Фаризой – ее доверие. Она никогда не требовала буквалистского перевода. Это легче объяснить на другом примере. К двухсотлетию Махамбета мы готовили полный перевод его стихотворений, отобранных и исследованных Академией наук. Фариза была руководителем проекта. Втайне, за двадцать пять лет до этого события, мы начали работу. За эти годы Махамбета неоднократно чиновники от литературы объявляли националистом, выводили из общего фонда библиотек в недоступные спецхрана – спасибо, не сожгли на костре те немногие книги, что уже имелись. Но к 2003 году произошел бум, шквал переводов.

Первая ошибка многих и многих переводчиков – повторить на русском языке ритмику Махамбета. Наиболее приближенным к тоническим стихам Махамбета они сочли хорей, двустопный и трехстопный, да еще в двустишьях. Но хорей в русской поэзии – это преимущественно частушка – род литературы, совсем отдельно стоящий от магистральных путей классической поэзии. Переводчики и издатели сочли главным достоинством поэта – ритм, имитирующий скачку. (К слову, у арабов 26 размеров, имитирующих всевозможные виды скачек – но не они главные в содержании.) Какое счастье, что Фаризе было это внятно. Мы хотели приблизить перевод к русской поэзии времен Махамбета, который дружил с Владимиром Далем, читал Пушкина, Лермонтова, Крылова... Это были наши ориентиры. Ответственность Фаризы как руководителя проекта мы поделили. Она, с полным пониманием и в оснастке знаний о творческом процессе изнутри, довела книгу до издания. Я надеюсь, что эпоха ослепления поэзии кончится, и этим переводам, как «драгоценным винам придет черед».

Надо еще вернуться к ранним стихотворениям Фаризы. Надо часто возвращаться к ранним стихотворениям. Доброжелатели ее, совсем еще юную девочку, журили за обнаженность чувств, «нескромную» для казахской женщины откровенность. Притворство было выше ее понимания: строгая правда – и в пейзажах, и в любви, и в ненависти. С первыми своими стихотворениями она стала исключением. О ее высокой лирике говорили все, а признание в виде награды за этот подвиг пришло нескоро. Конечно, выходили книги, были литературные премии, звание народного поэта. В 2010 году Московская областная организация Союза писателей России и редакционно-издательский Совет газеты «Московия литературная» наградили Фаризу Золотой есенинской медалью. Как это заслуженно! Она была начитана. Есенин, Ахматова, Цветаева, Ахмадулина... Блок был в доме Фаризы настольной книгой. Такой лирики,

освященной Богом-Блоком, до Фаризы в казахской литературе не было. Она перевела Александра Блока на казахский язык, осмыслила со всей христианской символикой и преобразила для нового лингвистического инструментария. Вот тут была точка совпадения с трудами М. Макатаева – переводу «Божественной комедии Данте» предшествовало чтение «Нового завета».

У Пушкина в романе написано: «Они сошлись – вода и камень, стихи и проза, лед и пламень – не столь различны меж собой». Но это два человека: Онегин и Ленский.

У Фаризы в стихах соседствуют пекло и холод, рай и ад, гора и пропасть, мороз и жара, полюс и экватор... Такой резко-континентальный климат. И это ее душа, ее лирический герой. Никакой пророк не скажет ей: «Ты тепел, а не горяч и не холоден, изблюю тебя из уст моих». Она умела спорить с пророком, который «прячет нас в пекло от зноя».

Работа с ней была мучительной, но праздничной. Когда абстрактно меня ругают за переводы... Вот самая расхожая фраза безъязыких критиков: это не автор, подстрочник лучше. Это же ясно, что оригинала они не знают. Я знаю, главным было – отразить контрасты, в которых протекали ее жизнь и творчество. Перед лицом ее памяти скажу: если кто-то сделает лучше (умоляю вас, сделайте!) я буду только рада.

Никогда я не слышала от нее в свой адрес каких-то похвал, я не нуждалась в них, у нас, как у родных, были нормальные деловые отношения. Однажды, замучившись жить в двухкомнатной квартире, мы надумали менять ее на трехкомнатную, которую нашли на окраине города. Узнав об этом, Фариза сказала: «Человек с твоим талантом должен жить в центре». Меня покинуло чувство юмора – я была в эйфории – заметила талант! Обмен не состоялся, конечно, по другим причинам, зато Фариза переехала из двухкомнатной в четырехкомнатную квартиру, с многочисленными домочадцами, напротив нашего дома, на том же перекрестке. Теперь для громких споров можно было пойти на речку, или чаще ходить друг к другу по делам и в гости.

Общественное положение поэта всегда межеумочно, но Фариза редактировала детско-юношеские издания, работала в Парламенте РК, то есть была человеком государственным, об этой составляющей ее личности и жизни скажут другие. Любую свою ипостась она несла с достоинством. Ученица Фаризы издала книгу о ней от имени всех детей, воспитанных ею. Какие замечательные слова нашли ее благодарные питомцы всех родов родства – Великая Мать. Для меня она всегда была поэтом, в первую очередь, и неподражаемым человеком под божественным присмотром.

*Под неусыпным взглядом строгих звёзд,
сглотнув комок солёно-горьких слёз,
я шла к вершине под присмотр Бекета,
а до сих пор мне было недосуг:
мешал мне зова посторонний звук,
пока моё не миновало лето.*

(Огланды)

